

ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ОБРАЗОВ ДОН ЖУАНА И КАЗАНОВЫ В ЛИТЕРАТУРЕ РУБЕЖА XIX–XX ВЕКОВ

Василий Викторович Онорин

аспирант кафедры русской и зарубежной литературы

Пермский государственный педагогический университет

614990, Пермь, ул. Сибирская, 24. v.onorin@gmail.com

Возрастание интереса к мифу на рубеже XIX–XX веков порождает нетрадиционные и порой парадоксальные метаморфозы «вечных» образов. В статье исследуется процесс перехода от традиционного противопоставления образов Дон Жуана и Казановы, обусловленного их происхождением и историей бытования в литературе, к их конвергенции, находящей выражение в иной интерпретации взаимоотношений судьбы и случая, и трансформации устоявшихся жанровых предпочтений.

Ключевые слова: Дон Жуан; Казанова; вечные образы; сюжет; интерпретация; конвергенция и дивергенция образов.

В литературе рубежа XIX–XX вв. «вечный» образ Дон Жуана обретает себе пару в образе Казановы, но отношения между членами пары отнюдь не тождественны, что обусловлено временем и обстоятельствами их формирования в качестве литературных героев.

Прототипом Дон Жуана принято считать севильского дворянина дон Хуана Тенорио (XIV в.), похитившего дочь командора дон Гонзаго, убившего его и наказанного францисканцами, которые и создали легенду о низвержении Дон Жуана в ад. К этой легенде впоследствии примешали другую, про севильского вельможу дон Мигеля де Маньяра. Проведя бурную молодость, он затем женился и истратил огромные суммы на благотворительность, а после смерти жены постригся в монахи. Позже возникло множество слухов относительно его грешной юности и связи с нечистой силой. Два исторических прототипа и определяют дуалистичный финал (гибель/монастырь) легенды о Дон Жуане.

Но истоки образа Дон Жуана, безусловно, глубже, они восходят к мифологическому трикстеру, противостоящему демиургу. Его наследниками являются и авантюрный герой средневекового рыцарского романа, и плут пикарески, в той его разновидности благородного плута поневоле, который сложился в европейском романе к концу XVII в. [см.: Пинский 1989]. В образе Дон Жуана восходящее к ранним легендам рыцарство сочетается с ловкостью плута (Тирсо де Молина), богохульство – с обманом, и в последующей литературе превалирует то одно, то другое нача-

ло. Казанова – изначально деклассированный практик либертинизма, стремящийся упрочить свое положение, вписывается в образ плутовского героя с его готовностью к смене масок и исповедальной открытости.

Джакомо Казанова, венецианский авантюрист XVIII в., не только реально существовавшая личность, но и автор мемуаров под названием «История моей жизни». Фактически, Казанова сам создал из себя литературного героя. Еще при жизни о нем ходило немало легенд, зачастую создаваемых им самим. Он менял роли, представляясь то великим магом и алхимиком, то дворянином Шевалье де Сенгалът. Вторая волна популярности Казановы была вызвана публикацией его книги (отредактированной цензурой) издательством Брокгауза в 1820-е гг. сначала на немецком, а потом и на французском языках. Мемуары Казановы читал А.Пушкин; Ф.Достоевский издал отрывок, посвященный побегу из тюрьмы. Третья волна популярности Казановы пришлась на рубеж XIX–XX вв., что, возможно, обусловлено игровой, карнавальной природой самого Казановы, отмеченной С.Цвейгом, который в биографической повести «Три певца своей жизни» провел четкую границу между Дон Жуаном и Казановой, образы которых восходят к общему архетипу соблазнителя.

По Цвейгу, «Дон Жуан в противоположность свободному, беззаботному, безродному, безудержному Казанове является неподвижно застывшим в кастовом достоинстве идальго, дворянином, испанцем и даже в бунте – католиком в

душе», который «бессознательно подчиняется церковной оценке всего плотского, как "греха"... «лишь крайняя ненависть гонит его [Дон Жуана] навстречу женщине», затем чтобы уличить их в природной порочной слабости и покарать за нее. Напротив, «в Казанове-любовнике нет ничего демонического, он никогда не становится трагическим героем в судьбе другого» [Цвейг 1992: 436, 437], наслаждение для него – цель и смысл жизни. Вожделения Дон Жуана являются продуктом мозга, а у Казановы «исходят из семенных желез», потому что испанец наделен «полнейшей, ледяной бесчувственностью»; у венецианца «есть лишь чувственность и нет души»¹; Дон Жуан – развратитель, а Казанова – соблазнитель. «Соблазненная Дон Жуаном старается предостеречь его новую избранницу <...> от врага своего пола, а соблазненная Казановой, отбросив ревность, рекомендует его другой как боготворящего их пол мужчину» [Цвейг 1992: 440].

Дон Жуан обращен к прошлому (отсюда и бесконечный список женщин, который ведет его «личный секретарь» Лепорелло), он осознает свою греховность и мучается чувством вины. Казанова укоренен в настоящем и лишен всякой рефлексии.

В образе Дон Жуана присутствуют тяга к познанию и демоническое начало, провоцирующие его сопоставление с другим вечным образом мировой литературы – Фаустом². Наоборот, «в Казанове-любовнике нет ничего демонического, он никогда не становится трагическим героем в судьбе другого» [Цвейг 1992: 437].

Дон Жуан – человек судьбы, и в этом плане он – герой трагический. Не случайно развязкой сюжета о Дон Жуане является не очередная любовная победа, а встреча с Командором. Дон Жуан – фаталист, а «единственное, что может стать для человека злым роком, – это вера в злой рок: она подавляет попытки поворота и обновления» [Топоров 1994: 49]. Казанова целиком подвластен случаю. Более того, он не только не знает своей судьбы, но и не стремится ее узнать, а уж тем более каким-либо образом ей противиться. Вся его литературная биография – это цепь случайностей и, вместе с тем, следование своей натуре («таинственной силе», влекущей его). «Так как судьба у человека одна, а случаев много и сфера "случайного" образует ближайшую и самую актуальную среду человеческого существования, случай активно действует, а всемогущая судьба, как правило, бездействует, "отдыхает", не вмешивается в повседневную жизнь человека и лишь раз на его веку произносит свой суд» [Топоров 1994: 42], что и происходит с Дон Жуаном.

Дон Жуан, как и всякий «вечный образ», не отделим от своего сюжета. Данный сюжет на протяжении своего бытования проявляет способность к редукции, иногда сворачиваясь до одного имени главного героя, образуя мифему³. Наряду с этим, ядро сюжетного конфликта, как правило, сохраняется, а модификации касаются его результата: торжество или поражение и смерть, герой попадает в ад или возносится на небеса и т.д.

Этот устойчивый на протяжении веков сюжет и определяет судьбу Дон Жуана, он выступает его заложником. Сюжет (судьба) ставит Дон Жуана на грань жизни и смерти. Именно в этот предельно обостренный момент он встречает Донну Анну и Командора. Причем эти два персонажа в классическом сюжете оказываются связанными не только родственными отношениями (в зависимости от источника Анна выступает женой или дочерью Командора), но и метафизически. Анна предстает Единственной, отличной от всех других – земным воплощением небесной любви, а Командор – олицетворением судьбы, рока. Казанова как литературный персонаж в отличие от Дон Жуана лишен устойчивого сюжета – его мемуары представляют собой пестрый калейдоскоп приключений, из которого сложно вычленил нечто законченное и выдающееся.

Способы жанровой реализации конкретного вечного образа задаются не только первоисточником (Тирсо де Молина в случае с Дон Жуаном), но, прежде всего, природой героя и конфликта. Так, сюжет Дон Жуана воплощается в драме или поэме (Байрон), жизнь Казановы воспроизведена им в жанре, совмещающем чисто эпическое и романное начала: с одной стороны, замкнутость каждого эпизода при разомкнутости целого, с другой – повествование о собственной жизни, в «контакте с современностью» [см.: Бахтин 1972].

Возрастание интереса к мифу на рубеже XIX–XX вв. порождает неожиданные метаморфозы многих «вечных» образов. В их ряду свое современное, нетрадиционное и порой парадоксальное прочтение находят образы Дон Жуана и Казановы. Например, Дон Жуан Б.Шоу не хочет быть любовником⁴. Внешний конфликт прошлых веков (Дон Жуан – Командор, Казанова – тюрьма) превращается в конфликт внутренний. Актуализируются мотивы судьбы и случая, свободы и совести. Так, в «Шагах Командора» А.Блока Дон Жуан становится заложником сложности своего внутреннего мира. «Легенда о Дон Жуане в интерпретации Блока предстает как трагедия совести героя, оставившего служение "Прекрасной Даме" ради демонического восторга и "постылой свободы". Борьба в

душе изменника воплощена в образах Рока-Командора и "Девы Света" – донны Анны» [Михиенко 2001: 108].

Актуализация мотива познания усиливает конвергенцию образов Дон Жуана и Фауста. К.Бальмонт заметил, что «мы неизмеримо меньше любили бы этого чернокнижника [Фауста], если бы он не был братом Дон Жуана» [Бальмонт 1999: 182]. Фаустианская тема присутствует в пьесе Н.Гумилева «Дон Жуан в Египте». Процесс схождения распространяется и на пару Дон Жуан – Казанова. Сначала это происходит опосредовано, так, у М.Цветаевой в третьей картине «Феникса» дряхлый Казанова, подобно Фаусту, обретает (пусть и ненадолго) вторую жизнь через любовь Франциски. Сама же Франциска объединяет в себе Маргариту и Мефистофеля и вдобавок является двойником Генриетты. Как Мефистофель, она таинственно появляется в полночь (под строки из «Приключения») и дарит молодость. Как Маргарита, она является высшим существом, дарящим любовь. Потом у Цветаевой демоническое, темное начало, присущее Дон Жуану, переносится и на Казанову. Слуга Дон Жуана каламбурит, обращаясь к нему как к «Вашей светлости», и называет его «Князем Тьмы». Каламбурит и Ле-Дюк в «Приключении»: «Кто черту – сын, а вы – отец: / Трудями вашими рогат / Весь мир, мессэре!» [Цветаева 1994: III, 492]. С другой стороны, не описанная в мемуарах нищая и оскорбительная старость Казановы достается и Дон Жуану. Старый Дон Жуан появляется у Цветаевой: «Вы – почти что остов» [Цветаева 1994: I, 336]. Тот же «остов» семидесятипятилетнего Казановы в «Фениксе» описан как «Грациозный и грозный» [Цветаева 1994: III, 530]. Стар и одинок Дон Жуан у И.Северянина:

Чем в юности слепительнее ночи,
Тем беспросветней старческие дни.

Я в женщине не отыскал родни:

Я всех людей на свете одиноче.

[Северянин 1990: 148]

У Цветаевой есть и мертвый Дон Жуан, но смерть его отнюдь не демонична: вместо адского огня холод вечного покоя:

Долго на заре туманной

Плакала метель.

Уложили Дон-Жуана

В снежную постель.

[Цветаева 1994: I, 336]

Демоническое начало сохраняется в пьесе Н.Гумилева «Дон Жуан в Египте», но оно приобретает свойственный Казанове игровой, карнавальский характер:

Я был в аду, я сатане

Смотрел в лицо, и вновь я в мире,

И стало только слаще мне,

Мои глаза открылись шире.

[Дон Жуан русский 2000: 277]

Здесь Дон Жуан переносится в нетипичное для него пространство (Египет) и время (современность) а также лишается устойчивого сюжета с бесповоротным финалом: в конце торжествующий Дон Жуан увозит с собой Американку. Редкий в мировой литературе образ торжествующего Дон Жуана встречается также в стихотворениях Бальмонта и Брюсова, но их герой, лишенным трагической сущности, превращается в маску нищезанского сверхчеловека:

Промчались дни желанья светлой славы,

Желанья быть среди полубогов.

[Дон Жуан русский 2000: 499]

Он становится не парадоксальным антиДон-Жуаном (каким часто предстает на протяжении XX в.), а просто неДон-Жуаном, т.е. перестает быть героем-любовником в общепринятом смысле. Центральная для образа проблема конфликта судьбы и свободы устраняется. Неразрешимое противоречие, составляющее главную коллизию трагедии, разрешается слишком просто и односторонне.

Дон Жуан в XX в. – это не только фаталист, но и актер, заранее знающий свою роль. Мотивы актерской игры и неминуемой расплаты соединяются в сонете Н.Гумилева «Дон Жуан», герой которого примеряет на себя роль Дон Жуана: «Моя мечта надменна и проста», – и оказывается в плену им самим избранной судьбы:

Если Казанова в XIX в. еще выступает персонажем собственных воспоминаний, то в XX в. его имя постепенно становится нарицательным и начинается процесс мифологизации данного образа и его конвергенции с образом Дон Жуана. Когда-то, в 1787 г., Казанова встречался с Моцартом в Праге («Казанова приехал туда по соседски, из Дукса) в связи с постановкой “Дон Жуана”» [Соллерс 2007: 8]. Теперь Дон Жуан, за образом которого стоит многовековая литературная традиция, отбрасывает тень на Казанову. М.Цветаева выделяет из всей цепи приключений Казановы два сюжета: описанную им встречу с Генриеттой («Приключение») и реконструированное представление о старом Казанове, живущем в замке Дукс («Феникс»). На их основе она выстраивает драматический сюжет, подобный «донжуанскому»: Генриетта-Франциска, словно Донна Анна, становится парой Казановы в вечности, его душой-психеей, а не просто очередным любовным приключением.

Е.М.Мелетинский в работе «О литературных архетипах» выделил авантюрно-героический сверттип литературного героя. В этом плане ли-

шенный героики Казанова предстает подтипом «чистого» авантюриста, чье авантюрное начало порождено «вечной человеческой природой – самосохранением, жаждой победы и торжества, жаждой обладания, чувственной любовью» [Бахтин 1972: 176]. Дон Жуан, относясь к тому же сверттипу, реализует другой подтип – романтически настроенного бунтаря, демонической личности. Здесь он предстает в ряду таких персонажей, как гетевский Фауст, байроновский Каин, лермонтовский демон, ницшеанский Заратустра.

¹ С Цвейгом оказывается солидарна и М.И.Цветаева: «Блестящий ум, воображение, горячая жизнь сердца – и полное отсутствие души» [Цветаева 1994, НСТ: 215].

² В романтической интерпретации Дон Жуан и Фауст предстают «символами двух путей – интеллектуального и эротического, на которых европеец мог реализовать себя» [Багно]. Фаустианская тема возникает в поэме Дж.Байрона «Дон Жуан» (1819–1824); в трагедии Х.Д.Габбе «Дон Жуан и Фауст» (1828) эта линия реализуется в виде соперничества за любовь донны Анны, приводящего героев к трагической гибели – падению в преисподнюю на последнем пиру Дон Жуана в Риме.

³ Данный термин предлагает Я.В.Погребная в своей диссертации: «Имя Дон-Жуана как мифема концентрирует в себе сюжет легенды, в том числе – двойную редакцию развязки, фактически мифема Дон Жуан – это запись текста легенды на метаязыке. Перевод мифемы на язык литературной интерпретации может быть осуществлен двумя способами: путем реконструкции традиционного сюжета (легенды в ее персонажном составе) или же путем создания нового сюжета с новыми героями» [Погребная 1996: 49]. Примером такого рода мифем в поэзии начала XX века могут служить стихотворения Северянина, Брюсова, Бальмонта с названием «Дон Жуан» и Есенина «Может поздно, может слишком рано...».

⁴ Позже в пьесе М.Фриша «Дон Жуан, или Любовь к геометрии» (1953) герой наказывается именно тем, что становится мужем и отцом семейства, то есть оказывается в ситуации, немислимой и невозможной для

легендарного Дон Жуана: вместо множества женщин – одна, вместо путешествий и дуэлей – повседневная рутина оседлой жизни; иными, словами, он растворяется в родовом начале, когда весь смысл его существования – в противостоянии ему.

Список литературы:

Багно В.Е. Дон Жуан // Пушкинская энциклопедия, электронное издание ИРЛИ РАН, 2006–2009 [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=294.

Бальмонт К.Д. Тип Дон Жуана в мировой литературе // Иностранная литература. 1999. № 2. С.181–183.

Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Худож. лит., 1972.

Дон Жуан русский: антология / сост, предисл. и примеч. А.В.Парина. М.: Аграф, 2000. 576 с.

Михиенко С.А. Эволюция образа Дон Жуана в русской литературе XIX–XX веков: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Пятигорск, 2001. 166 с.

Пинский Л.Е. Магистральный сюжет: Ф.Вийон, В.Шекспир, Б.Грасиан, В.Скотт. М.: Советский писатель. 1989. 416 с.

Погребная Я.В. О Закономерностях возникновения и специфике литературных интерпретаций мифемы дон Жуан: дис. ... канд. филол. наук. М, 1996. 302 с.

Северянин И. Стихотворения и поэмы. М: Современник, 1990. 493 с.

Соллерс Ф. Казанова Великолепный / пер с франц. Н.Мавлевич, Ю.Яхниной. М.: КоЛибри, 2007. 232 с.

Топоров В.Н. Судьба и случай // Понятие судьбы в контексте разных культур. М.: Наука, 1994, 320 с.

Цвейг С. Три певца своей жизни: Казанова, Стендаль, Толстой // Цвейг С. Собр. соч.: в 10 т. М.: Терра, 1992. Т. 3. С. 386–455.

Цветаева М.И. Собр. соч.: в 7 т. М.: Эллис Лак, 1994.

PECULIARITIES OF INTERPRETATION OF DON JUAN'S AND CASANOVA'S IMAGES IN THE LITERATURE AT THE TURN OF THE XIX–XX CENTURIES

Vasiliy V. Onorin

Post-Graduate Student of Russian and Foreign Literature Department
Perm State Pedagogical University

Increasing interest to the myth at the turn of the XIX–XX centuries evokes unconventional and at times paradoxical metamorphoses of the "eternal" images. In the article the process of transition from the traditional opposition of the figures of Don Juan and Casanova, determined by their origin and history of literary existence, to their convergence, expressed in the alike interpretation of relations of destiny and chance, is considered; the transformation of the settled genre preferences is regarded.

Key words: Don Juan; Casanova; "eternal" images; plot; interpretation; convergence and divergence of images.